

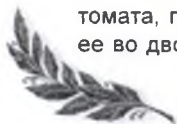

**НУРАХМАЕВ
ХАДЖИМУРАД
АСХАБОВИЧ
(1979–1999)**

ХАДЖИМУРАД АНСАЛТИНСКИЙ

Нет, он не погиб в Афганистане, как его сверстники в восьмидесятых годах. Хаджимурад из селения Ансалта принял эстафету мужества у своего земляка – каратинца Магомедзагида Абдулманапова, юного Героя Отечественной войны, чьи слова «Я тоже русский, мы дети одной матери – Родины» стали знаменем послевоенного поколения молодых горцев. Принял эстафету храбрости у лезгина Героя Советского Союза Абаса Исрафилова, у аварца Нухудина Гаджиева, Героя Российской Федерации, у тех 140 дагестанцев, погибших в Афганистане. Хаджимурад стал шахидом, защищая свой родной аул от басаевских боевиков, вернее, сородичей тех же афганских душманов. Не зря и тех, и других в народе называли одним и тем же презрительным словом «бандформирования».

И те, и другие «борцы за чистоту ислама», как они себя именовали, совершали зло от имени Аллаха. В Кандагаре на глазах у детей, подталкивая прикладами, вывели из школы учительницу Латифу, увезли за город, нанесли ей множество ножевых ран, выкололи глаза, полуживую расстреляли из автомата, глумились над мертвым телом. Привезли и бросили ее во дворе школы, прикрепив записку: «Так будет со всеми,

кто пойдет в школу». Они же вырезали сердца у живых солдат, попавших в плен...

Этого, конечно, Хаджимурад знать не мог: он родился 3 декабря 1979 года. Зато он видел на телеэкранах, как боевики в Чечне топором отрубили голову пленному солдату, пучками вырывали волосы у пятилетней девочки, отрезали кисти рук у похищенных людей... Не могло все это не вызывать у впечатлительного юноши хотя бы отвращения к басаевцам, когда они появились в его родном ауле.

Мать большой семьи Калимат была на ногах, когда перед домом слышался шум, говор людей. Она встревожилась, подумала, что кто-то умер ночью. Взглянула в окно и ахнула. Площадка перед домом была заполнена вооруженными людьми, а они все шли и шли... Было это на рассвете 7 августа 1999 года.

– Вставайте, скорее одевайтесь, – толкала она мужа, дочерей, стараясь передать им свою тревогу, – вставайте, в селе какие-то чужаки, кажется, чеченцы, оружия у них много...

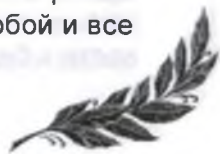
Калимат поспешила разбудить Хаджимурада, который спал в другой комнате (для него к дому пристроили две комнаты – наступит же пора его женить).

– Вставай, сынок, вставай, одевайся скорее...

– Мама, я что, проспал? – спросил Хаджимурад сонным голосом. Он всегда вскакивал, услышав петушиный «концерт» или призыв муэдзина к утренней молитве. Успевал дать корм скоту, пока мама готовила завтрак семье.

– Сын очень любил животных, особенно овец и коней, – рассказывал Асхаб, отец Хаджимурада. Сколько раз я его упрекал, чтобы он прекратил свое «шефство» над коровой, овцами. Лошади у нас не было – так он умудрялся до блеска чистить чужую. Говорил ему, что есть дома сестры, они могут помочь матери, это им больше к лицу, чем мужчине. День-два позволял им кормить корову и телку, а на третий оказывался в хлеву...

– Бесполезно было его уговаривать, – вмешалась в разговор сестра Багисултан. – Он будто соглашается с тобой и все равно потом по-своему делает.

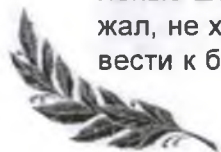
– От задуманного не отступал, будь это хорошее или неверное решение. Хулиганистым парнем рос. Однажды заявил, что больше учиться не будет. Он тогда ходил в девятый класс. Я, конечно, согласиться не мог, вечером собрал семейный совет. Он моим же примером всех нас укротил.

– Сынок, что ты говоришь! – вырвалось у матери, когда она узнала о решении Хаджимурада. – Ты же единственный сын, наша надежда, как же без учебы?

– А что, вот отец всю жизнь механиком, шофером работает, что тут плохого?! Вот шестерым сестрам три комнаты отгрохали, в каждой по две, как королевы, живут, а мне, как царю, дворец пристроили из двух комнат. Это все отец, он только ПТУ окончил! Разве его не уважают в селе? Отслужу в армии, а там – как Аллах на душу положит...

– Что тут скажешь? Он также поступил и в те роковые дни, когда боевики были в селе, – продолжил рассказ Асхаб. – Мы наспех погрузили на грузовик ковры, одежду, все, что попало под руку. Другие уходили пешком, взвалив на плечи то, что могли нести... Боевики начали рыть окопы, заявили, что будут воевать с русскими, всем лучше покинуть село. Хаджимурад помог вещи погрузить, но ехать с нами в Ботлих отказался. Мать за руку тянула его к машине, умоляла. «Хорошо, мама, я завтра приеду», – успокаивал он ее. Никогда не грубил ей, а сестрам мог. Когда он не появился на следующий день, я вернулся за ним. Нашел его дома, все было перевернуто в комнатах. Он искал и нашел нашу семейную реликвию – большой старинный кинжал. Умирая, мой отец его завещал Хаджимураду, наказав: «Отдай ему, когда женится, пусть он тоже оставит своему сыну...». В двадцатые–тридцатые годы, когда требовали сдавать холодное оружие, отец мой Нурахма его спрятал, а сдал кинжал, который купил у соседа.

Этот кинжал всегда лежал под моим матрасом, сбоку пристраивал, чтобы не мешал спать. Его я увидел у Хаджимурада на поясе. Только вместо ремня он использовал красные и зеленые шелковые ленточки сестер. Я сразу сорвал с него кинжал, не хотел, чтобы он попал в руки бандитов, да и мог привести к беде. Знаете, что он тогда сделал? Взял большой тя-

желый нож, мы его называем чалта-нож, им в лесу ветки у деревьев, кустарники вырубает. Взял и убежал из дому в горы. Наотрез отказался пойти со мной. Потом начались бомбежки, пошли войска. Через пару дней из села пришел Абдулмуталиб, товарищ сына. Он тоже предлагал Хаджимураду пойти вместе в Ботлих. Сын ему ответил, что пока не поговорит с Басаевым, он не вернется...

Очевидцы потом рассказали отцу, что же случилось в следующие дни. Хаджимурад общался с боевиками, балагурил с ними. Улучшив момент, спросил у Басаева:

- Зачем вы сюда пришли?
- Будем устанавливать шариат, убивать русских...
- Вы же видите, что их здесь нет. Я что, русский? Чего же ждете, убейте меня... Иначе я должен отомстить за разрушенный отцовский дом.

В ответ – всеобщий хохот, никто всерьез не принимал этого щупленького, худощавого парня. На вид ему было не больше семнадцати.

Все-таки Хаджимурад дождался своего часа.

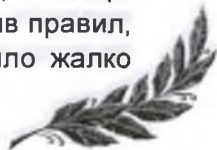
Во время очередного налета вертолетов боевики бросились кто куда, в дом Нурахмаевых тоже. Один из них в спешке около окопа оставил свой автомат. Хаджимурад прыгнул, как тур, с балкона и, овладев оружием, выстрелил пару раз в воздух. Боевик выскочил из дому и крикнул:

- Дай сюда! – шагнул к нему.
- На, возьми, если можешь, – сказал Хаджимурад и выстрелил в него.

Тут выбежали и другие. Он дал очередь и по ним, еще трое запертво упали на землю. Опомнившиеся бандиты в упор расстреляли Хаджимурада...

Случилось это 11 августа 1999 года.

Хаджимурад не был богатырского телосложения, не проходил, как «афганцы», курс молодого бойца, не учился воевать. Обращаться с оружием научился у солдат, которые стояли на заставах в горах. Он им приносил сигареты, и бойцы показывали, как надо стрелять, хотя это было против правил, даже дали пару раз стрельнуть. Хаджимураду было жалко

расставаться с ними, когда они уходили, покидая свои заставы. Кое-кто исподтишка шипел, как змей, что солдаты им мешают, кому они нужны в горах. Оказалось, что очень нужны были, многие это поняли в тот день, когда вместе с боевиками в аул нагрянула беда, в каждый дом ворвалась война, как это было в годы Отечественной на Украине и в Белоруссии, Молдавии и даже под Москвой, в той же самой Чечне...

Хаджимурад не было и двадцати лет, как и многим «афганцам», когда он отдал свою жизнь за отчий край. Родился он в том же месяце, в том же году, когда советские войска были введены в Афганистан – 3 декабря 1979 года. Мне показалось, что Хаджимурад чем-то напоминает многих «афганцев». Уверен, молодой ансалтинец, как и они, совершая свой мужественный поступок, не думал о подвиге и тем более не чувствовал себя героем, меньше всего заботился о том, чтобы прославиться, и размышлял лишь об одном – как защитить отцовский дом?

– Я, взрослый мужчина, поражался твердости его духа, – начал вспоминать Асхаб, когда мы беседовали в их махачкалинской квартире. – Хаджимурад удивительно легко переносил боль, казалось, что он ее вообще не чувствовал. Ему еще не было и двух лет, когда пришлось положить на операционный стол – грыжа оказалась. Терпел, хоть бы что. Другой раз, будучи мальчишкой, залез на крышу кабины грузовика и решил «полететь». Шлепнулся на землю и поломал предплечье. Рука согнулась, я взял и дернул, чтобы хоть как-то выправить кости. Не поверите, даже не ойкнул...

– Однажды отец собирался ехать в город. Хаджимурад пригласил друзей его проводить, а сам пошел искать трех овец. Это была вся его отара, – улыбнулась старшая сестра Багисултан. – Его нет и нет, отец волнуется, будто чувствовал беду. Пошли искать... Он сидит с поломанной ногой, она уже распухла, а он смеется, сказал, хотел поймать овцу, прыгнул за ней неудачно...

– Пришлось отложить поездку. В райцентре, в Ботлихе, оперировали, вроде бы все в порядке, но, когда сняли гипс, выяснилось, что нога стала короче. Врач даже пошутил: ничего страшного, так бывает, как тезка Хаджимурад Хунзахский

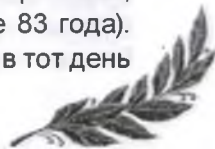
будет хромать. Но я не хотел, чтобы сын всю жизнь хромал, повез в Махачкалу, снова поломали ногу... И там тоже врачи удивлялись его терпению и выдержке. С двумя костылями, с ногой в гипсе бегал по горам. Односельчане говорили: «Хаджимурад летает». Костыли выбрасывал вперед, как можно дальше, и шагал широко и быстро...

– Меня в сыне поражало другое, – Калимат немного задумалась и сказала: – Не подумайте, ради Аллаха, что восхваляем сына, хотим сделать из него героя. В семье мы мало об этом говорим, только вспоминаем то одно, то другое. Так вот, не только меня, но и сестер поражало одно – раны на его теле заживали поразительно быстро. Порежет палец нечаянно, проходит день, другой – и следа не остается...

– Мне кажется, что страха он вообще не чувствовал, тогда я на это не обращал внимания, сейчас размышляю над его поступками. Считал все его выходки хулиганством. Ему ничего не стоило ночью встать с постели и пойти в горы искать скотину... Мой покойный отец не раз ругал его за это. Все было без толку...

Дедушка Нурахма очень любил Хаджимурада. Мальчишкой он его брал с собой, сажал на колени, укрывал шубой. Внук слушал хабары аксакалов, пока в тепле на груди не засыпал. Немало было среди них старейшин и участников Отечественной войны. Мы не можем сегодня сказать, понимал ли мальчонка что-нибудь из их воспоминаний. Но одно твердо знаем – дедушкино слово для Хаджимурада было законом. Нурахма не выставлял напоказ свою любовь к внуку, хотя души в нем не чаял, старался воспитывать в нем твердость характера, честность. Особенно был строг, когда Хаджимурад, будучи подростком, совершал необдуманные поступки. Узнав, что он в очередной раз «пошел гулять по горам», как он предупреждал младшую Мадину, вызвал внука к себе и отчитал: «Не для того я дал тебе имя героя – наиба имама Шамиля, чтобы ты баловнем вырос! Ты хоть раз подумал, каково будет твоей матери, если с тобой, не дай Аллах, что-нибудь случится?!»

После этого Хаджимурад утихомирился. Стал серьезнее, когда в 1996 году умер Нурахма (он прожил на свете 83 года). Весь аул провожал его в последний путь. Хаджимурад в тот день

сердцем усвоил неписанный закон горцев – надо уважать покойника, отдать ему последние почести. Однажды умер в селе человек. Мужчины собрались во дворе, читали молитвы. Хаджимурад стоял и не ушел домой, хотя его уговаривали: отец был в отъезде, и он, единственный мужчина в доме, должен был исполнить долг от имени семьи. Асхаб, вернувшись из поездки, сразу поспешил на похороны, нашел окоченевшего от холода сына. Обнял его за плечи, прижал к себе, будто благодарил, и отправил домой. Такие порой непредсказуемые были его поступки.

И в тот день, когда убил четверых боевиков, Хаджимурад не мог не знать, что и сам погибнет. Но он, видимо, меньше всего об этом думал. Не зря же великий имам Шамиль сказал: «Тот не герой, кто думает о последствиях».

Весть о подвиге Хаджимурада Ансалтинского облетела всю страну. Указом Президента Ельцина ему было присвоено звание Героя Российской Федерации. И 30 августа 1999 года в Кремле состоялось вручение Золотой Звезды матери и отцу. Это транслировалось по всем каналам телевидения. Борис Николаевич обнял мать, выразил соболезнование, поблагодарил их за воспитание мужественного сына.

Мать Калимат, талантливая ковровщица, мастер с золотыми руками, работала и воспитывала шестерых детей. Старшие дочери Багисултан, Гулистан, Замира тоже стали ковровщицами, их научила ремеслу мать, а младшие Мадина и Каничай были помощницами. Мадина поступила в медакадемию после смерти брата. Мать сказала, что жить в доме в ауле не сможет, ведь Хаджимурад погиб у порога родного дома. На те средства, что выделило государство, в Махачкале купили двухкомнатную квартиру.

Хаджимурад хотел защитить свой дом, который он очень любил, ведь в нем он родился и вырос. А защитил от врага не только отцовский дом, но и весь Дагестан, всю Россию – Родину свою. И оставил о себе неувядаемую память, как героические отцы и деды, храбрые «афганцы». Эстафета мужества передается из поколения в поколение. Ее подхватили надежные, крепкие руки Хаджимурада Асхабовича Нурахмаева. Вечная ему память.

